

Когда до слуха Рэнъи Карасумы впервые донёлся голос Сидзуки Годзё, его лицо исказила сумятица чувств: секундное замешательство сменилось растерянностью, затем — глухим неверием и шоком, пока всё это окончательно не поглотило холодное умиротворение ночной тьмы.

Минуло больше века. Голос Сидзуки давно стёрся из его памяти. Сколько бы Карасума ни пытался воскресить его в тишине глухих ночей, предаваясь изощрённому самоистязанию, беспощадное время всё равно брало своё.

Как ни пытался он удержать ускользающие крупницы прошлого, они неизбежно блекли. Неизменной оставалась лишь ненависть — она полыхала в его груди день и ночь, пока наконец не выросла в чудовище, пугавшее даже своего создателя.

Но сейчас, едва услышав этот голос, Карасума на миг снова почувствовал себя прежним мальчишкой с затерянного в океане острова — беспечным, мечтающим лишь об играх с друзьями и о далёких больших городах.

Но иллюзия рассеялась, стоило ему поднять взгляд. Перед ним высилась холодная, серая надгробная плита Сиро Куросавы. Пути назад не было.

Рэнъя Карасума медленно обернулся. На его губах играла слабая, едва заметная улыбка.

— Учитель, — тихо произнёс он. — Вы всё-таки пришли.

— Сколько лет, сколько зим, Рэнъя. Ты совсем вырос, — ответил А-Эр.

Раз уж Карасума по-прежнему величал его учителем, он решил не ломать комедию и заговорил в привычном покровительственном тоне.

Карасума лишь снисходительно хмыкнул и покачал головой:

— Ещё бы, ведь миновал целый век. За это время даже младенец успел бы состариться и сойти в могилу. А я вот, глядите-ка, всё ещё копчу небо.

— Расскажи мне... — А-Эр замялся. — Как ты жил всё это время?

— Вот как? Неужели вам действительно интересна моя судьба? — Карасума приподнял брови.
— Что ж, скрывать мне нечего. Пожалуй, начнём с того самого дня, когда вы нас покинули.

Ровным, почти безразличным голосом он поведал обо всём: как к ним случайно попали воспоминания А-Эра, как они с ужасом осознали себя безликими куклами, безвольными NPC в чьей-то жестокой игре. Рассказал, как вскрылась правда об их похищении и продаже, как они в

ярости предали остров очищающему огню и поднялись на борт уходящего корабля. И, конечно, упомянул о том, как среди пепелища они отыскиали обугленное тело Сидзуки Годзё. К их изумлению, мёртвая плоть прямо на глазах вернула себе первозданный вид — сердце учителя не билось, но и тлен его не коснулся. Разумеется, они забрали его с собой.

— Все эти десятилетия наши лучшие лаборатории работали не покладая рук, — продолжал Карасума с вкрадчивой улыбкой. — И большинством прорывных открытий мы обязаны исключительно вашей плоти, учитель. Она оказалась поистине бесценным материалом.

— К примеру, наш легендарный образец Номер 01. Она была создана на основе ваших генов, смешанных с моими. До сих пор это величайший триумф моей генетики. Прошли десятки лет, а она всё так же молода, полна сил и безупречна. Не скрою, я искренне горжусь этим детищем.

— Кадзума Арааки — ещё один наш триумф. Поначалу он рос хилым, болезненным доходягой, но затем его развитие рвануло вперёд с пугающей скоростью. Впрочем, иного от союза ваших генов и ДНК Сиро Куросавы ожидать и не приходилось.

— Кха-кха-кха! — А-Эр поперхнулся воздухом и зашёлся в безудержном, надрывном кашле. От подобных откровений у него едва глаза на лоб не полезли.

«Погодите-ка... Если рассуждать логически, то Кадзума Арааки для Сидзуки Годзё приходится... сыном?!»

— Только не говори, что Дзин — тоже вашего производства?! — сиплым от шока голосом выдавил А-Эр.

— Что вы, бог с вами, — отмахнулся Карасума. — Дзин — плод естественной связи между Сиро и одной из моих верных помощниц. Чистая генеалогия.

— Вот оно что... — А-Эр облегчённо выдохнул, мысленно перекрестившись, что избежал внезапного прибавления в семействе.

И всё же новость о том, что когда-то воспитанный им ребёнок вырос, женился и даже оставил потомство, отозвалась в груди странной смесью светлой грусти и какого-то родительского удовлетворения. Любопытство взяло верх, и он спросил:

— И какой она была?

В его памяти Сиро Куросава навсегда остался тем самым тихим, застенчивым, но необычайно смышлённым мальчуганом. А-Эр почему-то напридумывал себе, что избранницей такого скромника непременно должна была стать яркая, неугомонная девица, которая сама взяла бы быка за рога.

Карасума выслушал эти романтические бредни с весьма двусмысленной миной на лице.

— Активной?.. Ну, в каком-то смысле. Только спешу вас разочаровать, учитель: никакой любовной драмы там и в помине не было. Мальчик появился на свет с помощью пробирки.

— У Сиро банально не стоял.

— Чего-о?!

— А чему вы удивляетесь? — пожал плечами Карасума. — Когда первая любовь, к которой ты едва начал испытывать трепетные чувства, сгорает заживо у тебя на глазах, а следом рушится вся твоя жизнь... Тут у любого психика сломается от горя и отчаяния. Вот бедняга и схлопотал тотальную импотенцию на нервной почве.

А-Эр закашлялся с новой силой, едва не лишившись дара речи.

«Так, стоп. Я вообще туда попал? — лихорадочно соображал он. — Мы же вроде стоим на пороге великой битвы с финальным боссом! Сейчас самое время для пафосных речей, раскрытия карт и подготовки к смертельной схватке. Какого чёрта здесь происходит?!»

Вместо эпического финала они скатились в дешёвую мыльную оперу с самым забористым и нелепым сюжетом!

«Система, колись, ты опять наглоталась дурацких дорам перед сном и втихую запихнула эти бредовые настройки в сценарий?!»

Система с превеликой скорбью на морде всплеснула крошечными лапками:

— У Сиро Куросавы не поднимался прибор до гробовой доски ещё по одной причине: он так и не сумел вытравить из памяти полные вселенской тоски глаза Сидзуки Годзё!

«Да хорош уже свои тупые шуточки шутить, задолбала!» — мысленно взвыл А-Эр.

Заметив, как лицо А-Эра кривится от смеси недоумения и шока, Карасума не выдержал и тихо рассмеялся.

— Расслабьтесь, учитель. Сиро и без того был довольно хладнокровен к плотским утехам. Зато, когда мы получили доступ к вашим воспоминаниям и он увидел там взрослого Дзина — нашего нынешнего Джина, — то сразу понял: это его будущий сын. Ему пришлось обзавестись потомством исключительно ради того, чтобы не нарушить временной парадокс. А впрочем... Возможно, он с самого начала растил того, кто однажды прервёт его земной путь. По крайней мере, именно об этом он думал, когда брал себе кодовое имя «Джин».

— И ты, зная обо всём этом, даже не попытался его остановить? — тихо спросил А-Эр.

— Остановить? — Карасума удивлённо вскинул брови. — Зачем? Наш мир — сущий ад, а мы в нём — недобитые безумцы, которые цепляются за жизнь зубами лишь по глупой привычке. Сиро обрёл ясность ума. Он просто хотел покоя. И если его последней волей было погибнуть от руки собственного сына, я мог лишь благословить его на этот шаг.

Карасума опустился на корточки и бережно провёл ладонью по могильному камню. Плита была скромной, без излишеств — в конце концов, мертвецам не нужны пышные памятники, они важны лишь живым. Но этот знак скорби Рэнъя вытесал сам, собственноручно, бережно выводя на камне каждую букву имени друга.

В отличие от Рэнъя, который со временем раскопал свои благородные корни и вернул фамилию Карасума, у Сиро ничего не осталось. Покинув проклятый остров, они пытались разыскать его настоящих родителей. Но те уже успели обзавестись другими детьми и давно вычеркнули из памяти старшего сына, пропавшего без вести много лет назад.

При жизни Сиро долго раздумывал, где упокоить своё тело. Ему было плевать — зарыть ли его в безымянной канаве или сбросить в морскую пучину. Но в итоге в завещании он указал именно этот клочок земли. Остров его детства. Место, где судьба впервые свела его с Рэнъей Карасумой и Сидзукой Годзё.

Да, когда-то здесь жили ненавистные им люди. Но их кости давно истлели в пепле пожарища, устроенного их же руками, так что было уже всё равно.

—...

Перед мысленным взором А-Эра невольно всплыли картины прошлого: Сиро, угасающий от тяжёлой болезнью на грани жизни и смерти, и Рэнъя, который после его чудесного спасения разрыдался навзрыд, твердя сквозь слёзы: «Какое счастье, что ты выжил!»

А теперь этот же человек искренне радовался его кончине.

Какая невыносимая, извращённая мука. Потерять единственного друга, благословить его уход в небытие и продолжить тащить своё изуродованное бремя в одиночку... И всё ради того, чтобы предстать сегодня перед своим учителем изменённым до неузнаваемости.

— Чего же ты добиваешься на самом деле, Рэнъя? — тихо спросил А-Эр.

Он ведь уже поквитался с мучителями, скопил несметные богатства, обрёл безграничную власть и подчинил себе само время, продлив жизнь этой плоти. И всё же А-Эр чувствовал: ни одно из этих достижений не было истинной целью Карасумы.

— Чего я хочу?.. — Карасума медленно поднялся, стряхивая пыль с колен. — Наши изыскания увенчались успехом, я вернул себе молодость, о которой простые смертные не смеют и мечтать. Но со временем до меня дошла одна простая истина. Сколько бы золота и сил я ни угрохал на омоложение этого сосуда, всё материальное обречено на распад. Вам ли, учитель, бывшему проклятию, познавшему вечность и всё же вынужденному переродиться, этого не знать? Тем более здесь, где мы — всего лишь строчки кода, безжизненные цифровые данные.

— Мне надоело быть послушным набором пикселей. Я хочу, чтобы истинное воплощение твоего игрового персонажа — Камиллы — рухнуло на эту землю из запредельных высей и стёрло этот фальшивый мир в порошок. Только тогда, в очищающем пламени всеобщей гибели, утихнет наконец этот вечный пожар в моей груди.

У А-Эра в голове окончательно закоротило все шестерёнки. Впрочем, одно он понимал кристально ясно: детство Рэнъя было по-настоящему счастливым. Но всё покатилося к чертям именно после их встречи. Осознав иллюзорность своего бытия, Карасума без колебаний выбрал суровую реальность и тотальное уничтожение.

Какая бы бездна боли и отчаяния ни разверзалась у него под ногами, он продолжит идти вперёд, упрямо сжав зубы.

И всё же А-Эр не мог не сделать последнюю, пусть даже обречённую на провал попытку воззвать к его разуму.

— Рэнъя, — мягко произнёс он, глядя прямо в глаза безумцу. — Хватит терзать себя. Остановись.

Карасума замер, впившись в него долгим, немигающим взглядом, а затем разразился тихим, надтреснутым смехом, в котором слышался не столько триумф, сколько горький, надрывный плач.

— Поздно, учитель. Слишком поздно...

— Я знаю, что вы пришли помешать мне. Но увы — меня уже ничто не сдержит.

— Пока эта брменная плоть не обратится в прах, пока моя душа не развеется без остатка, а код не сотрётся из памяти системы — я не отступлюсь от своего плана ни на шаг.

Он сделал шаг назад, мгновенно растворяясь в густой, осязаемой тьме склепа. А-Эр резко рванулся вперёд, намереваясь перехватить беглеца — благо его физическая подготовка позволяла среагировать за долю секунды, — но в наступившей удушающей тишине вдруг раздался посторонний звук, от которого кровь стыла в жилах.

Это был Наникорэ. Точнее, сама Живая планета.

С ума сойти, эти двое спелись!

В наши дни злодеи первого плана устраивают коллаборации? И как, спрашивается, бедному игроку прикажете проходить этот квест?!

И главное — когда этот паршивец успел подобраться так близко? А-Эр не уловил ни единого шороха!

С их последней встречи Наникорэ ничуть не изменился — всё тот же заурядный вихрастый подросток. Но теперь, зная его подлинную сущность, А-Эр отчётливо видел в глубине его зрачков жуткую, потустороннюю пустоту, свойственную лишь древним нечеловеческим сущностям.

— Здорово, босс! Сто лет не виделись! — расплылся в улыбке новоявленный гость и панибратски помахал рукой.

Парящая рядом с плечом А-Эра Система тут же брезгливо скривилась, издав недовольный писк.

— Что ж, оставляю его на тебя, — безумный блеск вновь озарил лицо Карасумы. Он коротко кивнул Наникорэ и бесшумно растаял во мгле.

— Стоять! — рывкнул А-Эр, пытаясь броситься в погоню, но Наникорэ мгновенно преградил ему дорогу.

— Никуда ты не пойдёшь, шеф. Сейчас мой звёздный час! Мою любовную ветку и так нещадно вырезали при редакции, так неужто ты хочешь лишить меня ещё и финального эпика?!

— Что за ахинею ты несёшь?! — окончательно рассвирепел А-Эр.

Его терпение лопалось по швам.

Система благоразумно промолчала, лишь смерила Наникорэ красноречивым взглядом, каким обычно одаривают безнадёжных дурачков.

Наникорэ, впрочем, чужой скепсис ничуть не смутил. Он увлечённо затараторил дальше:

— Ладно, согласен, звучит внезапно. Но суть проста: я не позволю тебе пройти эту игру. Мне тут чертовски нравится! Я чувствую, что здесь, внутри кода, я обрёл собственное сознание, отдельное от той старой занудной планеты в реальности. И знаешь что? Я хочу, чтобы ты остался в этой виртуальной песочнице навсегда...

Подросток продолжал восторженно вещать, но А-Эр слушал его со всё возрастающим недоумением. Ему слышалось, или этот недоумок действительно не понимает, что творит?

«Погоди-ка... Неужели никто не потрудился объяснить этой космической сироте, что Карасума вознамерился помножить весь наш мир на ноль?!»

«Кретин! Тебя же просто развели как последнего лоха!»

<http://bllate.org/book/18335/1760521>